

ИСТОРИЯ

УДК 37:01

DOI: 10.18324/2224-1833-2024-3-129-135

Зарубежная историография о преемственности между дореволюционной и советской системами образования

Л.Ю. Анисимова^a, М.Д. Северьянов^b, Д.Н. Гергилев^c, А.М. Селиваненко^d

Сибирский федеральный университет, пр. Свободный, 82, Красноярск, Россия

^aseveryanova@mail.ru, ^bseveryanov-vanya@mail.ru, ^cturilak@yandex.ru, ^dnastyasever24@yandex.ru

^a<https://orcid.org/0000-0002-7790-0598>, ^b<https://orcid.org/0000-0003-4764-8181>

^c<https://orcid.org/0000-0003-4913-4803>, ^d<https://orcid.org/0009-0003-4545-2481>

Статья поступила 03.10.2024, принята 18.10.2024

В статье анализируются некоторые итоги реформирования народного образования в дореволюционный и советский периоды в контексте зарубежной историографии, которая представлена в трудах американских и европейских ученых. В ходе исследования выявляется преемственность между дореволюционной и советской системами образования, которая проявляется в централизованном характере образовательных систем, взаимосвязи государственных и образовательных задач, подготовке и методах реализации школьных программ. Основное внимание уделяется вопросам формирования и развития советской системы образования в трудах зарубежных исследователей. Экспериментальные коммунистические идеи в образовании первых десятилетий советского государства уступили место практическим критериям народнохозяйственных планов. Важное место в статье отводится проблеме политехнического образования как неотъемлемого компонента советской системы образования. Авторы статьи, рассматривая дискуссии российских и зарубежных ученых по этой проблеме, отмечают необходимость соединения школьного образования с трудом. В работе отмечаются и такие проблемные вопросы образования, как раздельное обучение мальчиков и девочек, беспрекословное признание фактического авторитета учителя, поэтапное введение обязательного начального, семилетнего и среднего образования. В заключение отмечаются попытки реформирования современной системы образования с учетом преемственности исторического опыта.

Ключевые слова: система образования; реформа; политехническое обучение; преемственность; профессиональное образование.

Foreign historiography on the continuity between the pre-revolutionary and Soviet education systems

L.Yu. Anisimova^a, M.D. Severyanov^b, D.N. Gergilev^c, A.M. Selivanenko^d

Siberian Federal University; 82, Svobodny Ave., Krasnoyarsk, Russia

^aseveryanova@mail.ru, ^bseveryanov-vanya@mail.ru, ^cturilak@yandex.ru, ^dnastyasever24@yandex.ru

^a<https://orcid.org/0000-0002-7790-0598>, ^b<https://orcid.org/0000-0003-4764-8181>

^c<https://orcid.org/0000-0003-4913-4803>, ^d<https://orcid.org/0009-0003-4545-2481>

Received 03.10.2024, accepted 18.10.2024

The article analyzes some of the results of public education reform in the pre-revolutionary and Soviet periods in the context of foreign historiography, which is presented in the works of American and European scholars. The study reveals the continuity between the pre-revolutionary and Soviet education systems, which is manifested in the centralized nature of educational systems, the relationship between state and educational tasks, preparation and methods of implementing school programs. The main attention is paid to the issues of formation and development of the Soviet education system in the works of foreign researchers. Experimental communist ideas in education in the first decades of the Soviet state gave way to practical criteria of national economic plans. An important place in the article

is given to the problem of polytechnic education as an integral component of the Soviet education system. The authors of the article, considering the discussions of Russian and foreign scientists on this problem, note the need to combine school education with labor. The work also notes such problematic issues of education as separate education of boys and girls, unquestioning recognition of the actual authority of the teacher, the gradual introduction of compulsory primary, seven-year and secondary education. In conclusion, attempts to reform the modern education system are defined, taking into account the continuity of historical experience.

Keywords: education system; reform; polytechnic education; continuity; vocational education.

Введение. Вопросы образования волновали общественность на протяжении всей истории России. Система образования претерпевает постоянные эволюционные изменения, адаптируясь к социально-политической культуре государства. В частности, исторические тенденции (образовательная политика в последние годы Российской империи, 1894–1904 гг., межреволюционный период, 1905–1917 гг., культурная революция начала 1930-х гг.) повлияли на развитие системы образования. При царском режиме система образования осуществляла политический и национальный проект воспитания дворянства, построения нового класса либеральной интеллигенции и «русификации» национальных меньшинств. Неоднократно поднимался вопрос о введении всеобщего обучения. Узкая специализация и бюрократизация имперской системы образования подавляли инициативу и творчество ребенка [1, р. 67]. Однако Л. Кириенбаум отмечает, что доминирующим педагогическим направлением было «свободное воспитание» детей, нацеленное на развитие практических навыков и умственных способностей [2, р. 19–24].

Основная часть. После Октябрьской революции 1917 г. советское правительство пыталось создать новую систему образования, которая бы действовала как неотъемлемая часть реструктуризации общества. Первоначальной целью большевистских лидеров в сфере образования было создание бесклассового общества. Последствия гражданской войны и политическая оппозиция режиму заставили изменить идеалистические цели образования.

Декрет ВЦИК «Основные принципы единой трудовой школы» (октябрь 1918 г.), программа РКП(б), принятая в марте 1919 г. VIII съездом, отмечали важность политехнизации школы. Специализация должна была осуществляться только в высших учебных заведениях. В связи с экономической ситуацией промышленность нуждалась в большем количестве рабочих и специалистов, и в начале 1921 г. в качестве временной меры была разрешена специализация в старших классах средней школы. По мнению Б. Симон, трудовое образование позволило избежать ранней специализации, которая могла бы определить социальную судьбу детей [3].

Политехнический принцип со временем претерпел изменения. Под «политехнизацией» по-

нималось освоение учащимися элементарных трудовых навыков, необходимых для получения массовых профессий (столяр, слесарь и т. д.), позднее — переход от «школы учебы» к «школе труда» [4]. Система образования была полностью взята под централизованный государственный контроль, и введена единая система образования для людей из разных социальных слоев. В июле 1920 г. введено обязательное профессионально-техническое обучение для всех рабочих в возрасте от 18 до 40 лет. Хотя эта политика не противоречила политехническому аспекту единой трудовой школы, общему политехническому образованию все еще уделялось особое внимание, а специальной подготовки в единой школьной системе не было [1, р. 123].

Образовательная философия и политика большевиков создавались не на пустом месте. Педагогическая общественность использовала идеи либеральных, прогрессивных и революционных педагогов XIX в. о свободе школы. Большевики воплотили эти идеи в марксистской философии образования, основанной на политехническом принципе. Н.К. Крупская синтезировала теории многих прогрессивных педагогов в программу реформирования советского образования на эгалитарных и демократических принципах.

Советский период образования был отмечен разнообразием образовательных практик.

В 1920-х гг. существовала мода на «прогрессивные» методы обучения, в основном заимствованные с Запада. Считалось, что они более соответствуют революционным идеям, чем традиционные. Нарком просвещения А.В. Луначарский побуждал учителей искать и применять в школах разнообразные эксперименты. Многие учителя привнесли в советскую эпоху традиционные ценности и методы преподавания, и эта группа оказалась важной и неожиданной силой сопротивления первым реформам образования. Анджела Мари Кокс отмечает, что советская политика в области школьного образования варьировалась «от экспериментального микрокосма будущего бесклассового общества до чрезмерно политического инструмента пролетарской диктатуры» [5], с тем, чтобы обеспечить социальную мобильность, необходимую для планомерного развития страны.

В 1920-е гг. дети были «инструментом идеологической обработки» [6, р. 257]. Молодежь необ-

ходимо было освободить от пагубного влияния семьи, которое якобы мешало ее правильному развитию. Забота о детях составляла прямую обязанность государства, исходя из постулата «нет детей “ничьих” — есть только дети государства». С. Струмилин подчеркивал, что общество берет на себя ответственность за воспитание ребенка, оставляя за семьей только те функции, которые без ущерба для детей могут быть возложены на нее [7, с. 207]. Государство и семья превратились в два соперничающих типа институтов, конкурирующих за контроль и уход за детьми. Образование должно было стать частью движения к новому быту, способом создания современного социалистического общества путем преобразования повседневной жизни. К середине 1920-х гг., когда первоначальный кризис, вызванный революцией, закончился, педагоги начали разрабатывать вопрос о том, каким образом можно использовать детские учреждения для построения нового общества. Преимущественной формой воспитания стала общественная.

С самого начала существования Советского Союза система образования являлась наиболее эффективной и универсальной формой социального воздействия, жизненно важным инструментом построения и поддержания молодого советского государства. Образование пролетарских детей играло важную роль для государства; необходимо было создать класс людей, которые были бы одновременно образованными и не враждебными большевистскому правлению, чтобы удержать власть в стране [8, р. 28]. На основании Постановления ЦИК и СНК СССР от 25 июля 1930 г. «О всеобщем обязательном начальном обучении», Постановления ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» от 5 сентября 1931 г. коммунистическая партия взяла на себя руководство школьной политикой. Данные документы стремились положить конец «экспериментам» в школах, призывая к созданию единых школьных программ, хотя создание таких программ затянулось на десятилетия [9]. Система образования, спланированная в соответствии с потребностями советского общества, стала жестко централизованной. Над деятельностью образовательных учреждений устанавливался централизованный контроль, унификация затронула все стороны школьной жизни [10]. К 1934 г. начальное обучение было внедрено в Советском Союзе повсеместно. В 1934 г. XVII съезд ВКП(б) принял решение о введении всеобщего 7-летнего образования.

По мнению Е. Томас Юинг [11, с. 48] и Д. Кароли [12, с. 295], после школьной реформы 1931 г. были восстановлены традиционные предметы и авторитарная роль учителей. Заучивание учебно-

го материала и беспрекословное признание фактического авторитета учителя стали нормой для школ, а свод доктрин, преподаваемых ученикам, потерял смысл после 1929 г. В последующие годы школьное образование столкнулось с проблемой дефицита учителей, вызванного сокращением в 1957 г. Министерством просвещения РСФСР 190 педучилищ и 144 учительских институтов.

Политехническое образование стало неотъемлемым компонентом советской системы образования. В августе 1930 г. 1-й Всероссийский съезд по политехническому образованию представил кардинальные преобразования: в средних школах вводилось профильное обучение с V по VII классы, которое находилось в тесной связи с предприятиями. В 1932 г. была введена единая 10-летняя трудовая школа. Среди советских педагогов были разные представления о роли политехнического образования. Так, например, А.В. Луначарский и Н.К. Крупская считали политехнический принцип синтезом концепций Г. Кершенштейнера (1854–1932) и Дж. Дьюи (1859–1952) с марксистской идеологией. Хотя К. Маркс и ввел термин «политехническое образование», идея соединения труда с образованием ему не принадлежала. Труд как важная часть образования был основной концепцией в прогрессивном образовательном движении на протяжении конца XIX и начала XX вв. Г. Кершенштейнер и Дж. Дьюи разрабатывали педагогические традиции профессионального и политехнического образования [13, р. 14]. Г. Кершенштейнер был сторонником дневного обучения в специализированных школах (до 18 лет), где общее образование сочеталось с обучением ремесленным навыкам. Как и Дж. Дьюи, он стремился найти прочную основу для школы в тесной связи с жизнью на основе трудового принципа. Г. Кершенштейнер смысл трудовой школы видел в развитии максимума навыков и умений при минимуме научного материала. Дж. Дьюи в своей работе «Школа и общество» (1900) подчеркивал необходимость соединения образования с трудом. Он выделял два ключевых значения труда в процессе обучения. «Первое — труд дает ребенку подлинный интерес, непосредственный опыт и возможность прикоснуться к реальности. Второе — в процессе трудовой деятельности ребенок приобретает опыт взаимодействия с обществом» [1, р. 62]. По мнению Дж. Дьюи, школа должна стать маленьким сообществом, которое насыщает ребенка «духом служения» и обеспечивает его «инструментами эффективного самоуправления». Дж. Дьюи, как и Маркс, видел, что соединение труда с образованием — это не только лучший способ обеспечить истинное образование, но и способ создания лучшего общества. Дж. Дьюи и

Г. Кершенштейнер разделяли мнение других педагогов о том, что государственные школы стали слишком академичными. Дж. Дьюи резко критиковал образование, оторванное от жизни, и одним из ответов на эту дилемму считал введение большего количества практических занятий. Г. Кершенштейнер также считал, что существующая школьная программа в Германии была слишком академичной, чтобы заинтересовать молодежь, исключал из учебного процесса систематическое донесение знаний до учеников в определенной последовательности. В некоторых вопросах взгляды ученых расходятся. Г. Кершенштейнер пропагандировал профессиональное образование в специализированных школах в сочетании с общим образованием. Дж. Дьюи выступал против дифференциации школьного образования и за интеграцию общего и профессионального образования в рамках одних и тех же школ.

Выделяют два аспекта политехнического образования, изложенные Марксом и Лениным. Во-первых, политехническое образование является неотъемлемой частью системы социализации и нравственного воспитания. Оно необходимо для формирования подлинно коммунистической личности. Для К. Маркса сочетание умственного и трудового воспитания было жизненно необходимо не только как средство увеличения общественного производства, но и как единственный способ получения всесторонне развитых людей. В.И. Ленин, подчеркивая важность политехнического образования по моральным соображениям, считал, что обучение детей должно быть тесно связано с общественно-производительным трудом. Во-вторых, политехническое образование связано не столько с моральным ростом личности, сколько с экономическим и социальным развитием и прогрессом.

Связь обучения с общественно-производительным трудом была необходима для формирования всесторонне развитой, подлинно коммунистической личности. Приход к власти И.В. Сталина означал как снижение внимания к моральной стороне политехнического образования, так и усиление разделения между трудовым и академическим образованием в общеобразовательных школах. В 1937 г. И.В. Сталин отменил политехническое образование. После XVIII съезда ВКП(б) (1939) был осуществлен переход к всеобщему среднему образованию в городе и завершению семилетнего образования в деревне.

В 60–70-е гг. XX в. зарубежными исследователями подчеркивалась преемственность между дореволюционной и советской системами образования. По мнению Дж. Ф. Бердея и В. Брикмана, российская система образования не была разрушена или

полностью переделана большевиками, а построена на основе существовавших учебных заведений царского периода. В основу советской системы образования положен централизованный характер имперской образовательной системы, которая служила государству и традиционной школе [14]. Дж. Ф. Бердей определил образование и модернизацию как ключевые проблемы советского государства, указав на взаимосвязь между ними и политическим и экономическим развитием. Ганс Николас пришел к выводу, что «структура советской школьной системы в 1930-е гг., учебная программа и вся атмосфера школьной жизни созданы по образцу дореволюционной традиции» [15, р. 17], школы характеризовались не новыми идеями, а новым синтезом. При И.В. Сталине был введен весь формальный аппарат дореволюционной системы образования. Тоталитарный режим использовал образование как инструмент управления общественным сознанием, которое имело мало общего с коммунистической доктриной, а, скорее, подтверждало выбор традиционных путей. Несмотря на совершенно разные цели, школьные системы в имперской и советской России имели общие задачи: искоренить неграмотность и русифицировать «национальные меньшинства». Хотя имперские и советские реформы потерпели неудачу, они привели к росту грамотности населения. В 1914–1915 гг. уровень грамотности в Российской империи составлял около 32, в европейской части России — 40, в Грузии — 20, в Туркмении и Таджикистане — менее 1 %. К 1939 г. грамотность населения выросла до 81 % [16, р. 90]. Из-за неэффективности реформ многие представители образовательного сообщества приняли реакционную образовательную практику, введенную в ранние сталинские годы. Исследовательское и экспериментальное образование в этот период прекратило свое существование.

Политика раздельного обучения мальчиков и девочек, начавшаяся в 1943 г. и продолжавшаяся 11 лет, охватила несколько тысяч советских школ в 169 городах страны. Раздельное обучение противоречило общественному сознанию многих советских граждан, которые выступали против этой политики как неэффективной и даже вредной. Зарубежные исследователи оценивают советский эксперимент как очередное проявление «отступления» И.В. Сталина от революционных идеалов или как рефлекторную реакцию на нужды военного времени. Е. Томас Юинг предполагает, что официальная поддержка раздельного обучения была обусловлена предвоенным желанием лучше регулировать и жестче дисциплинировать поведение советской молодежи. Ожидалось, что новый порядок исправит предполагаемые недостатки совместного обучения, в частности повысит каче-

ство образования, уровень дисциплины, подготовка мальчиков и девочек к взрослой жизни в соответствии с их социальными ролями. На протяжении всего эксперимента школы для девочек представлялись образцовыми учреждениями, где обучение проходило в спокойной, размеренной обстановке. На практике это означало, что при изучении классической русской литературы девочки ориентировались на героинь-женщин, а при изучении химии уделялось внимание аспектам домашнего хозяйства (рукоделие, кулинария и т. д.). Е. Томас Юинг утверждает, что школы для девочек были идеологическим поражением, а школы для мальчиков — практическим [17, р. 71].

Система образования неизбежно отражает политические и идеологические убеждения государства. Согласно Э. Байфорду и П. Джонсу, советская политика в области образования не имела четкой определенности [18, р. 420]. Бедственные условия в школах и снижение доступа к образованию могли быть связаны как с войной, так и с образовательной политикой позднего сталинизма, когда большая часть доступного финансирования шла на элитные институты. Во время Великой Отечественной войны было реорганизовано профессиональное образование, расширена сеть профтехучилищ. В стране было разрушено более 82 тыс. школ, потеряно около 18 млн школьных мест [16, р. 91].

Советский Союз во многих аспектах своей социально-политической структуры характеризовался разрывом между политикой и практикой. А.И. Репинецкий и В.В. Рябов отмечают, что в 1952 г. в 120 городах страны начался постепенный переход к всеобщему среднему образованию, который выявил новую проблему: количество мест в вузах и техникумах было гораздо меньше, чем число абитуриентов. За 1954–1957 гг. в вузы и техникумы не поступили 2,5 млн молодых людей [19, с. 201, 202].

Стремление большинства выпускников средних школ получить высшее образование отмечал Н.С. Хрущев 5 июня 1958 г. в «Записке о системе народного образования СССР» [20, с. 846]. К концу 1950-х гг. возросло число специалистов с высшим образованием в народном хозяйстве, перед властями встала задача ограничить поток абитуриентов в вузы. В высшие учебные заведения принимались лица, получившие полное среднее образование, предпочтение отдавалось имевшим двухлетний опыт и навык труда на производстве или демобилизованным из рядов Вооруженных Сил СССР. Ориентация на подготовку молодежи к труду в сфере материального производства должна была разрешить противоречие между потребностями общественного развития и духовными запросами молодежи.

Ставилась задача обеспечения доступности вечерних и заочных курсов для рабочей молодежи.

Таким образом, вопрос политехнического образования — самый острый и важный вопрос истории советского образования. Ларри Э. Холмс обращает внимание на несоответствие между декларируемой политикой и ее практической реализацией. В 1920-е гг. шел процесс децентрализации в области образования, а в 1931 г. школы перестали рассматриваться как институты социальной трансформации [15, р. 12]. В 1934 г. И.В. Сталин заявил в интервью: «Образование — это оружие, эффект которого зависит от того, кто его держит в своих руках, кого этим оружием хотят ударить». Два десятилетия спустя Н.С. Хрущев переформулировал предложение для нового века, когда он сказал: «Плановая реформа средней и высшей школы станет новым Спутником» [21, р. 136].

В 1950-е гг. концепция политехнического образования отражала осознание экономической отсталости и необходимости модернизации общества и экономики. В.Н. Горлов отмечает, что реформа образования 1958 г. привела к ухудшению качества изучения основных наук [10, с. 168].

Выводы. В заключение отметим противоречивость проведения реформ народного образования в СССР. В школьном образовании наблюдалась тенденция к увеличению продолжительности обучения: обязательное неполное среднее образование было введено до 7 лет в 1949 г. и до 8 лет с 1959 г. Однако эти меры выявили определенные проблемы. Продление сроков обучения в 1949 и 1959 гг. показало, что ни дети, ни учителя, ни органы образования не были готовы к этому. Это привело к высокому проценту отсева учащихся, второгодничеству. Снижение числа обучающихся в 1950-е гг. М. Майофис объясняет падением рождаемости во время войны [22, с. 6]. Советская школа стремилась подготовить молодежь одновременно к поступлению в высшие учебные заведения и к трудоустройству.

После свержения Н.С. Хрущева в 1964 г. в закон от 1958 г. были внесены поправки, отменившие обязательный курс «профессиональной подготовки» в обычных средних школах. Поколение, окончившее среднюю школу, через 10 лет после принятия закона 1958 г. не стало жить при коммунизме. С распадом СССР в 1991 г. начала разрушаться система воспитания и образования [23, с. 62]. Начался новый этап российской государственности, новый этап народного образования. В настоящее время продолжается реформирование российского образования, направленное на специализированное и профессиональное обучение, в том числе политехнизацию образования.

Литература

1. Philip K., Warner B.S. The Impact of the Revolutionary Era on the Russian Educational System. A Thesis in History. Texas Tech University. Master of Arts. August, 1987. 156 p.
2. Kirschenbaum L. Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917-1932. New York: Routledge, 2001. 242 p.
3. Brian Simon. Polytechnical education in the U.S.S.R., The Vocational Aspect of Secondary and Further Education. 1955. 7:15. P. 135-141.
4. Сафронов П. Идея политехнизации в отечественной школьной политике: подготовка реформы 1958 г. и кризис эгалитарной идеологии // *Острова утопии: пед. и социальное проектирование послевоенной школы (1940-1980-е): моногр. М.: Новое лит. обозрение, 2015. С. 193-212. URL: https://www.researchgate.net/publication/320756893_Safronov_The_Idea_of_Polytechnization_in_Soviet_School_Reform_of_1958 (дата обращения: 12.05.2024).*
5. Angela Marie Cox. Policy and Practice: Russian and Soviet Education during Times of Social and Political Change. Boston College Electronic Thesis or Dissertation, May 3, 2011. URL: <https://core.ac.uk/reader/151480590> (accessed: 28.04.2024).
6. Catriona Kelly. Shaping the «future race»: regulating the daily life of children in early Soviet Russia, in Christina Kiaer and Eric Naiman (eds), *Everyday Life in Early Soviet Russia: Taking the Revolution Inside Bloomington*, IN, 2006. P. 256-281.
7. Струмилин С. Рабочий быт и коммунизм // *Новый мир*. 1960. № 7. С. 203-220.
8. Redlick Teresa. The Education of True Believers? Soviet Youth in the 1920s. A Thesis Submitted to the College of Graduate Studies and Research in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Arts in the Department of History University of Saskatchewan Saskatoon, 2008. P. 28. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=1d8a38ff1e57a0e41330bf4b322e52e73d73baef> (accessed: 28.04.2024).
9. Catriona Kelly. (2010). The Soviet Union - A Paradise for Children? Happy Childhood, Soviet Style, 1931-1938. URL: https://www.persee.fr/doc/casla_1283-3878_2010_num_11_1_1098 (accessed: 28.04.2024).
10. Горлов В.Н. Противоречивость проведения реформы народного образования в СССР в конце 1950-х - начале 1960-х гг. // *History: facts and symbols*. 2023. V. 36, № 3. URL: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-159-171> (accessed: 28.04.2024).
11. Ewing E. Thomas. The Teachers of Stalinism: Policy, Practice, and Power in the Soviet School of the 1930s. New York: P. Lang, 2002. 333 p.
12. Dorena Caroli. Russian and Soviet schooling: educational legacies, institutional reforms and national identities // *History of Education & Children's Literature*. 2008. № III, 1. P. 283-304.
13. Preston John, Green Andy. The role of vocational education and training in enhancing social inclusion and cohesion. In: CEDEFOP (ed.) *Modernising vocational education and training*. Fourth report on vocational education and training research in Europe: background report. Volume 1. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2008 (Cedefop Reference series). 92 p.
14. Rosen Seymour M. Education and Modernization in the U.S.S.R., Reading, Mass, 1971. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED196124.pdf> (accessed: 14.05.2024).
15. Ann Livschiz. Growing up Soviet: Childhood in the Soviet Union, 1918-1958. A Dissertation submitted to the Department of History and the Committee on Graduate studies of Stanford University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy, September 2007. 1029 p.
16. Nigel Grant. Fifty Years of Soviet Education // *The Irish Journal of Education*. 1967. № 12. P. 89-106.
17. Ewing E. Thomas. *Separate Schools: Gender, Policy, and Practice in Postwar Soviet Education* DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2010. 300 p.
18. Byford Andy, Jones Polly. Policies and Practices of Transition in Soviet Education from the Revolution to the End of Stalinism // *History of Education*. 2006. № 35 (4). P. 419-426.
19. Репинецкий А.И., Рябов В.В. Реформирование системы школьного образования в 1958-1964 гг.: задачи и просчеты // *Самарский науч. вестн.* 2020. Т. 9, № 1 (30). С. 200-204.
20. Записка Н.С. Хрущева о системе народного образования в СССР 5 июня 1958 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т. 2. С. 846.
21. Lajos somogyvári. Soviet Pedagogy and the American Educators (1957-1965). *Rivista di storia dell'educazione*. 2018. № 2. P. 133-155.
22. Майофис М. Пансионы трудовых резервов: формирование системы школ-интернатов в 1954-1964 годах // *Новое лит. обозрение*. 2016. № 6 (142). С. 292-324.
23. Анисимова Л.Ю. История организации и деятельности Санкт-Петербургского родительского кружка (1884-1917) // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2021. № 2. С. 62-67.

References

1. Philip K., Warner B.S. The Impact of the Revolutionary Era on the Russian Educational System. A Thesis in History. Texas Tech University. Master of Arts. August, 1987. 156 p.
2. Kirschenbaum L. Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917-1932. New York: Routledge, 2001. 242 p.
3. Brian Simon. Polytechnical education in the U.S.S.R., The Vocational Aspect of Secondary and Further Education. 1955. 7:15. P. 135-141.
4. Safronov P. The idea of polytechnicization in domestic school policy: preparation for the 1958 reform and the crisis of egalitarian ideology // *Ostrova utopii: pед. i social'noe proektirovanie poslevoennoj shkoly (1940-1980-e): monogr. М.: Novoe lit. obozrenie, 2015. P. 193-212. URL: [134](https://www.researchgate.net/publication/320756893_Saf-</i>

</div>
<div data-bbox=)*

- ronov_The_Idea_of_Polytechnization_in_Soviet_School_Reform_od_1958 (data obrashcheniya: 12.05.2024).
6. Angela Marie Cox. Policy and Practice: Russian and Soviet Education during Times of Social and Political Change. Boston College Electronic Thesis or Dissertation, May 3, 2011. URL: <https://core.ac.uk/reader/151480590> (accessed: 28.04.2024).
 7. Catriona Kelly. Shaping the «future race»: regulating the daily life of children in early Soviet Russia, in Christina Kiaer and Eric Naiman (eds), *Everyday Life in Early Soviet Russia: Taking the Revolution Inside Bloomington*, IN, 2006. P. 256-281.
 8. Strumilin S. Worker life and communism // *Novyj mir*. 1960. № 7. P. 203-220.
 9. Redlick Teresa. The Education of True Believers? Soviet Youth in the 1920s. A Thesis Submitted to the College of Graduate Studies and Research in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Arts in the Department of History University of Saskatchewan Saskatoon, 2008. P. 28. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=1d8a38ff1e57a0e41330bf4b322e52e73d73baef> (accessed: 28.04.2024).
 10. Catriona Kelly. (2010). The Soviet Union - A Paradise for Children? Happy Childhood, Soviet Style, 1931-1938. URL: https://www.persee.fr/doc/casla_1283-3878_2010_num_11_1_1098 (accessed: 28.04.2024).
 11. Gorlov V.N. The inconsistency of the implementation of public education reforms in the USSR in the late 1950s - early 1960s // *History: facts and symbols*. 2023. V. 36, № 3. URL: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-159-171> (accessed: 28.04.2024).
 12. Ewing E. Thomas. *The Teachers of Stalinism: Policy, Practice, and Power in the Soviet School of the 1930s*. New York: P. Lang, 2002. 333 p.
 13. Dorena Caroli. Russian and Soviet schooling: educational legacies, institutional reforms and national identities // *History of Education & Children's Literature*. 2008. № III, 1. P. 283-304.
 14. Preston John, Green Andy. The role of vocational education and training in enhancing social inclusion and cohesion. In: CEDEFOP (ed.) *Modernising vocational education and training. Fourth report on vocational education and training research in Europe: background report*. Volume 1. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2008 (Cedefop Reference series). 92 p.
 15. Rosen Seymour M. *Education and Modernization in the U.S.S.R.*, Reading, Mass, 1971. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED196124.pdf> (accessed: 14.05.2024).
 16. Ann Livschiz. *Growing up Soviet: Shildhood in the Soviet Union, 1918-1958*. A Dissertation submitted to the Department of History and the Committee on Graduate studies of Stanford University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy, September 2007. 1029 p.
 17. Nigel Grant. Fifty Years of Soviet Education // *The Irish Journal of Education*. 1967. № 12. P. 89-106.
 18. Ewing E. Thomas. *Separate Schools: Gender, Policy, and Practice in Postwar Soviet Education* DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2010. 300 p.
 19. Byford Andy, Jones Polly. Policies and Practices of Transition in Soviet Education from the Revolution to the End of Stalinism // *History of Education*. 2006. № 35 (4). P. 419-426.
 20. Repineckij A.I., Ryabov V.V. The school system reform in 1958-1964: challenges and miscalculations // *Samara Journal of Science*. 2020. V. 9, № 1 (30). P. 200-204.
 21. Note by N.S. Khrushchev on the system of public education in the USSR, June 5, 1958 // *Prezidium CK KPSS*. 1954-1964. V. 2. P. 846.
 22. Lajos somogyvári. Soviet Pedagogy and the American Educators (1957-1965). *Rivista di storia dell'educazione*. 2018. № 2. P. 133-155.
 23. Majofis M. Boarding houses for labor reserves: the formation of the boarding school system in 1954-1964 // *New Literary Observer*. 2016. № 6 (142). P. 292-324.
 24. Anisimova L.Yu. History of the organization and activities of the St. Petersburg Parents' Circle (1884-1917) // *Issues of Social-Economic development of Siberia*. 2021. № 2. P. 62-67.